

Егор Гайдар: ученый, политик, человек

В статье представлены краткие изложения ряда выступлений в рамках двух встреч ученых и соратников Е. Гайдара, организованных Высшей школой экономики и фондом “Либеральная миссия”.

Ключевые слова: Е. Гайдар, рыночная экономика, экономические реформы.

The article represents discussion of intellectual and political heritage of Egor Gaidar organized by Russian scholars at the Section “Liberal mission” of High School of Economics.

Keywords: Egor Gaidar, market economy, economic reforms.

А.А. Нечаев: Конечно, главное творческое наследие Гайдара – рыночная экономика в России. Хотя сам Егор Тимурович часто говорил: главное для него – то, что удалось предотвратить в 1991–1992 гг. сползание России в ситуацию хаоса, голода, распада и, возможно, гражданской войны. Поэтому в последние годы, когда ему часто задавали вопрос, как, например, моя критически настроенная жена: “Егор, ты же понимаешь, что они идут не туда, у тебя огромное количество претензий к нынешнему режиму, почему ты им помогаешь?” И он, конечно, будучи подлинным патриотом в самом высоком смысле этого слова, говорил: “Я один раз пережил ситуацию, когда моя страна стояла на грани краха. Я не хочу, чтобы эта ситуация возникла еще раз”. Для него принцип “чем хуже, тем лучше”, когда речь идет о его стране, был абсолютно неприемлем. С этим можно соглашаться или не соглашаться, наверное, но для него это было совершенно очевидно и однозначно. И поэтому весь свой гигантский интеллектуальный потенциал он положил на алтарь даже того режима, с которым был абсолютно не согласен.

Мы хорошо знаем: помимо того, что Гайдар был уникальным политическим деятелем, он был еще и великим ученым. Надеюсь, никто не обидится, но, с моей точки зрения, равного ему российского ученого за последние несколько десятилетий просто не было. Наверное, в фокусе нашего обсуждения главным должно стать его научное наследие. Хотя меня всегда поражало, когда я читал гайдаровские книги, что, даже занимаясь, например, Средними веками или Испанией, он всегда предлагал анализ, отвечающий на злободневные вопросы. Причем в таких работах Гайдара присутствовал очень деликатный, очень тонкий, ненавязчивый и научно аргументированный совет нынешней власти: каких ошибок не надо было бы совершать. И это всегда оказывалось мостиком между историей (если то была историческая, аналитическая работа) и современностью. К сожалению, власти не всегда к этим советам прислушивались. Я уверен: то, что сделал Гайдар в науке, даст еще многим поколениям ученых возможность развивать намеченные им направления. А для практических экономистов и политиков его труды будут служить своего рода учебником, в том числе и по части предупреждения ошибок.

Так получилось, что ровно половина моей сознательной жизни прошла, так или иначе, рядом с Гайдаром. Познакомились мы в связи с тем, что он сделал на ученом совете Института народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, где мы вместе работали, потрясающий (ему было 30 с небольшим лет) доклад о политике и экономике,

и в частности о китайском опыте реформ. Тогда еще не было площади Тяньаньмынь, но Гайдар прекрасно понимал, насколько это неразрывные вещи – политика и экономика. И тогда еще, до этих трагических китайских событий, он обосновал, почему невозможен китайский путь для России. Не только потому, что у нас мало китайцев. И это очень важно, потому что сейчас все чаще звучит вопрос: а были ли альтернативные пути? Прочтите “Гибель империи” и другие его книги. И станет ясно, что все рассуждения о китайском и еще о каком-то “пути” – просто демагогия.

На этом я свое вступительное слово, с вашего позволения, закончу. Здесь несколько коллег Гайдара, которые заранее подготовили доклады. И первому я хочу предоставить слово Сергею Александровичу Васильеву. Егор его очень ценил и любил. Сергей был научным руководителем филиала ГУ – ВШЭ в Петербурге, они с Гайдаром так или иначе долго шли рука об руку.

С.А. Васильев: Я бы хотел остановиться на генезисе экономических идей Гайдара, потому что считаю его наиболее ярким представителем того направления, которое условно называется московско-ленинградской школой экономистов (в полной мере она сформировалась в середине 1980-х гг.). Это направление не сложилось в полноценную научную школу в значительной степени потому, что большая часть его участников в 1991 г. вошли в правительство, а потом многие перешли в бизнес. Да, как полноценная научная школа это направление не сложилось, но состоялось как школа экономической мысли: мы смогли реализовать многие идеи в практической политике, подходы этой школы разделяет большое число действующих исследователей.

Наиболее значительное достижение этого направления – теория административного рынка, внутри которой, собственно, и возникли основные парадигмы школы. И если говорить о работах, которые оформили эту теорию, здесь прежде всего надо вспомнить докторскую монографию Гайдара “Экономические реформы и иерархические структуры”, в которой наиболее систематически изложены основные положения теории административного рынка. И в дальнейшем эти ключевые идеи и стоящие за ними реальные проблемы – соотношение власти и собственности, развитие систем, в которых права собственности не определены, а размыты, – были главной темой исследований Гайдара, вплоть до книги “Долгое время”.

Время возникновения описываемой школы – конец 1970-х гг. Именно тогда у нас сформировалось очень сильное неприятие нескольких базовых теоретических конструкций царившей в СССР экономической теории. Прежде всего это теоретическая модель плановой экономики, то есть концепция социалистической экономики, в которой центр определяет все параметры производственных процессов. В конце 1970-х гг. даже неэкономисту было ясно, что планы абсолютно не отражают реальности. Вторая концепция, вызывавшая у нас сильное раздражение, была так называемая “система оптимального функционирования социалистической экономики”, разрабатываемая в ЦЭМИ АН СССР, которую мы как экономисты-кибернетики знали довольно хорошо. К сожалению, эта система основывалась на нереалистичных предположениях. Например, на гипотезе о наличии у центра полной информации о производственных возможностях предприятий либо предположении о возможности минимизировать (или хотя бы описать) функцию общественного благосостояния. По сути, это была та же модель плановой экономики, только с компьютерами и динамическим программированием. И третья концепция, которая тоже нас перестала удовлетворять, – теория общего равновесия и связанная с ней система моделей, которая в то время предлагалась западной экономической мыслью. Эти модели были весьма изящными с интеллектуальной точки зрения, но довольно грубо описывали реальные процессы, происходящие в рыночной экономике.

И именно в то время появился ряд работ, послуживших толчком для переосмысления всех указанных концепций, отхода от них. Прежде всего я назову работу Я. Корнаи “Антиравновесие”, в которой он очень жестко подвергал критике западные теории экономического равновесия. Экономической библией молодого поколения отечественных экономистов стала книга, написанная Корнаи в начале 1980-х гг., – “Дефи-

чит”, где подробно разбирался механизм функционирования социалистической экономики. И дефицит выглядел уже не как искажение принципов плановой экономики, а как нормальное и регулярное явление. Очень важным для развития наших теоретических взглядов было то, что Корнай большое внимание уделял неценовым сигналам. Он показал, как квазиплановая экономика функционирует, как она реально настраивается, не используя ценовых сигналов. Это был последний шаг перед теорией административного рынка. Другая, не менее известная парадигма Корнай связана с понятием “нежестких бюджетных ограничений”.

Менее известна “Теория хозяйственных систем” И. Сыроежина, работавшего в Ленинграде. Он описывал социалистическую экономику как систему распорядительных центров, каждый из которых обладает специфическими ресурсами. Экономические интересы отдельных звеньев социалистической экономики он определял через ресурсы, находившиеся в распоряжении этих звеньев, причем не только физические, но и информационные. Поэтому в “Теории хозяйственных систем” постулировалось разнообразие интересов различных уровней хозяйственной иерархии, а сам процесс выработки и реализации управленческих решений был описан в терминах согласования интересов. По сути, это и есть механизм административного торга, выраженный несколько иными словами.

Наконец, не менее важный третий источник – книга Ю. Яременко “Структурные изменения в социалистической экономике”. Эта книга сама по себе интересная, с большим аппаратом моделирования. Но совершенно выдающейся была ее вторая глава. Там выделялись разные качественные уровни плановой экономики. Было подчеркнуто, что сами ресурсы разных уровней крайне неоднородны и не могут быть сведены к одному знаменателю. По сути, сравнивались отрасли ВПК и все остальные отрасли. ВПК пользовался высококласными ресурсами, высокими технологиями, а все остальные отрасли довольствовались “объедками с барского стола”. В книге подробно исследовались трансферт технологии и ресурсов из ВПК в остальную экономику и трансферт ресурсов из остальной экономики в ВПК и демонстрировались очень любопытные взаимосвязи. Например, чем больше качественные отличия между предприятиями различных уровней, тем меньше эффективность межуровневого трансферта ресурсов и технологий. Все это позволяло, например, трезво оценивать возможности конверсии ВПК. Вот эти три источника, мне кажется, дали возможность прорыва в описании реальной системы управления, функционирования советской экономики позднего периода.

Надо сказать, что в дальнейшем пути исследователей, обсуждавших эти проблемы в 1980-х гг., разошлись. Думаю, это связано с тем, что одна из основных проблем в теории административного рынка – отсутствие адекватного языка описания процессов и адекватного формального языка моделирования. И если мы посмотрим на усилия последних лет С. Кордонского и В. Найшуля, то увидим: они направлены на то, чтобы каким-то образом формализовать теорию административного рынка и найти адекватный язык описания. Но мне кажется, что пока язык описания и моделирования таких систем не найден. Думаю, Гайдар сознательно отказался от попыток формализации этой теории. В своих поздних работах он пользуется стандартным языком экономических исследований, и может создаться впечатление, что он отошел от концепции административного рынка. На самом деле это не так. Ключевой вопрос его последних работ – проблемы систем, в которых не разделены отношения власти и собственности. По сути, это административные системы. И в них неизбежно возникают иерархические структуры и административные рынки.

И здесь я подхожу к его работе “Долгое время”, потому что, на мой взгляд, она совершенно великолепна и с точки зрения простого чтения для удовольствия, и как импульс вдохновения для научной работы. Фактически в ней содержится развернутая научная программа для последователей Гайдара. Особо хотелось выделить раздел о закономерностях развития аграрных цивилизаций, династическом цикле, внутренних

закономерностях экономической и политической жизни этих сообществ (в основном на примере Китая).

Когда я недавно перечитывал эту книгу, у меня все время возникали переключки с нашей реальностью. Гайдар не верил в исторические перспективы сообществ, организованных подобным образом. Я не столь оптимистичен. Из книги видно, что исторически господствующим всегда был азиатский способ производства. А европейская цивилизация – маленькое исключение из правил. И хотя мы понимаем, что в экономическом соревновании в Новое время эта система одержала экономическую, политическую и военную победу над азиатским способом производства, все же данная победа не представляется мне полной и окончательной. Это предмет для исследователей – насколько устойчивыми могут быть конструкции с незафиксированными правами собственности в постиндустриальном мире. Они не представляются мне обреченными и могут быть устойчивыми.

И второй аспект, который также может послужить программой дальнейших исследований, есть в заключительной части монографии “Долгое время”, где речь идет о таких вещах, как налогообложение, демография, способ комплектования армии, но не в конкретно-прикладном политическом смысле, а с точки зрения влияния на долгосрочное развитие. Мне кажется, это только намеченная программа, потому что нередко возникают точки переключения, когда процессы в демографии или в бюджетной сфере долго развиваются стационарно, а потом происходит спонтанное, быстрое изменение и экономической, и политической ситуации. Вот это, я думаю, очень интересно для исследования долгосрочной динамики современных обществ.

В.Г. Стародубровский: То, что сделали Гайдар и его команда в практической области, – исторический переворот огромной страны с головы на ноги, затронувший каждого человека и в России, и на всем постсоветском пространстве. Такие возможности выпадают в истории на долю единиц. Поэтому вполне вероятно, что в историческую память войдет прежде всего практическая сторона его деятельности. Но тем важнее не забывать, что он, как уже отмечалось, великий ученый: одно не должно заслонить другого. При всех обстоятельствах интеллектуальная сила его личности в науке проявилась ничуть не меньше, чем на практике, и его вклад в науку так же уникален, как его вклад в практику. Но важно то, что эти две ипостаси – практическая и научная – в нем были органично слиты воедино и помогали друг другу. И его научное наследие при благоприятном раскладе будет влиять на развитие страны еще долгое время, помогая избегать многих подстерегающих нас опасностей. Это наследие настолько обширно, что трудно выбрать какой-то один ракурс. Я лишь попытаюсь дать обобщенное представление об особенностях его подхода, памятуя, что у каждого есть “свой Гайдар” и свое представление об акцентах в его научной и практической деятельности.

С точки зрения жанра можно тут выделить два направления. Здесь и фундаментальные, монографические работы, и огромное количество статей, выступлений, интервью, посвященных актуальным вопросам соответствующего времени. Интересно, что всему его творчеству – и в том и другом жанре – присущи заметные общие черты. Прежде всего это конкретно-исторический анализ. Такой акцент приходится делать не только в качестве констатации, но и в связи с тем, что, насколько можно понять, у нас еще достаточно сильны традиции типичной советской школы, которая страдала своеобразным абстракционизмом, когда в основу брались логические схемы, под которые подгонялась действительность. На таком фундаменте не могла возникнуть культура конкретно-исторического анализа, позволяющего глубже вникнуть как в динамику экономических процессов, так и в особенности реально складывающихся ситуаций. Может быть, в этом одна из основных причин непонимания со стороны многих коллег-экономистов того, что он сделал.

В его творчестве все противоположно такому абстракционизму. Основа его работ – исследование реальной действительности. И не просто копание в фактах, а выявление закономерностей, тенденций, логики развития. Это главное, что он пытался делать и в чем достигал выдающихся результатов. Он, как правило, специально не за-

нимался исследованием законов рыночной экономики, но прекрасно их знал, понимал и, что очень важно для профессионала, “чувствовал кожей”. Когда речь идет о современности, такой фон, отражающий глубокое владение механизмами действия рынка, постоянно присутствует в его работах.

Вторая особенность работ Гайдара, о чем уже говорил А. Нечаев, – направленность на актуальные вопросы развития. Общая доминанта его творчества – Россия в современном мире сегодня и завтра, необходимость цивилизационного прорыва, условия, при которых он возможен, на что можно опереться, что будет мешать, как с этим бороться. В какие бы исторические дали ни заводило его исследование, эта логика выхода на современную проблематику всегда очень четко прослеживается.

При этом каждая работа имеет свою целевую направленность. Ряд статей последних лет ставят во главу угла необходимость проведения ответственной финансовой и денежной политики, чтобы держать в узде расходы, не допускать макроэкономических диспропорций. Это писалось незадолго до кризиса 2008 г., когда потребность в такой политике стала особенно острой, а практика начинала впадать в расточительство. Тема ответственной финансовой и денежной политики как основы экономической устойчивости, выявление пределов государственных расходов, их наращивания и последствий, к которым приводят нарушения, – сквозная для многих его работ. И если выделять доминанты среди многочисленных разработанных им проблем, то необходимость следования такой политике можно было бы, мне кажется, назвать первым научным завещанием Егора Тимуровича для практики.

Из монографических трудов работа “Государство и эволюция” посвящена прежде всего роли государства в рыночной экономике. Здесь акцентируется очень серьезная для нас опасность – опасность социально-генетическая, наследуемая от аграрного общества и азиатского способа производства. Речь идет о вырождении нашего государства в номенклатурно-бюрократическое. Работа была написана в 1994 г., и, учитывая дальнейшее развитие событий, ее актуальность, к сожалению, только возрастает.

“Аномалии экономического роста” относятся к 1997 г., когда рост у нас еще не начался, но ясно было, что скоро начнется, и поэтому работа сфокусирована на исследовании условий и возможностей роста. Прокламировано, что это делается на основе материалов о социалистической экономике, но реально – на основе опыта многих экономик мира, который показывает, при каких условиях достигается реальный успех. Характерен пример Аргентины, в начале XX в. относившейся к успешным странам, где современный экономический рост начался на два десятилетия раньше, чем в Японии и России. Но после кризиса 1929–1933 гг. за основу экономической политики в Аргентине на долгий срок была принята импортозамещающая индустриализация. Она основана на усилении роли государства в распределении конвертируемой валюты, сохранении завышенного курса национальной валюты, установлении непомерно высоких таможенных пошлин, стимулировании развития отечественной обрабатывающей промышленности путем торможения конкуренции импорта, использования налоговых и кредитных рычагов. В итоге ускорение индустриализации сопровождалось существенным сокращением доли экспорта, снижением конкурентоспособности страны, нарастанием отсутствовавшего ранее отставания по уровню ВВП на душу населения и в целом по экономическому развитию. Более чем полувековой период использования принятой национальной модели экономического роста привел к ее очевидному кризису и вынудил перейти к либерализации хозяйства.

При всей масштабности книги “Долгое время” (2005 г.) центральная ее направленность определяется необходимостью продолжения, а точнее – возврата, системного подхода к стратегии экономических реформ, чтобы отвечать на те вызовы времени, которые сейчас становятся особенно актуальными и определяются процессами не только нашего, но и мирового развития в современных условиях и на стратегическую перспективу. Системные реформы – тоже сквозная тема, которую можно было бы назвать вторым научным завещанием Гайдара для обеспечения успеха в дальнейшем.

Затем появились “Гибель империи” (2006 г.), в которой Гайдар задался вопросом: почему советская система вдруг развалилась в одночасье? Это очень оригинальный и интересный анализ. Наконец, “Смуты и институты” (2009 г.) опять-таки возвращают нас к сквозной теме о роли институтов в развитии общества, которая в разных гайдаровских работах подробно обосновывается. И необходимость преодоления институционального отставания России, тормозящего ее движение вперед, можно было бы, мне кажется, назвать третьим основным научным завещанием Гайдара. А в книге поворот своеобразный: она не просто о том, как развивать институты, а как избежать краха институтов в результате смут, революций или бездарных военных экспансий (какие бы цели они ни преследовали), приводящих к тому, что он назвал деинституционализацией с тяжелейшими последствиями для всего народа. От него не раз приходилось слышать: “Я пережил крах своей страны и не хочу, чтобы кто-либо испытал это еще раз”. Ответственность за страну у него всегда доминировала, чем бы он ни занимался, на какой бы сфере деятельности ни сосредоточивался.

Следующая особенность работ Гайдара – привлечение колоссального исторического материала. Причем опять-таки если вы возьмете любую статью, то анализ никогда не ограничивается чисто национальной информацией. Вот, к примеру, последняя опубликованная статья по поводу кризиса 2008 г., где он ставит вопрос о необходимости создания у нас сектора конкурентоспособной инновационной экономики и говорит, что это задача чрезвычайно сложная, но не неразрешимая. И тут же показывает опыт Финляндии и целого ряда других стран, которые смогли за исторически обозримый период эту задачу решить: каким образом, при каких условиях. Причем всегда подчеркивая, что речь не идет о копировании, а об изучении, понимании опыта и его использовании применительно к особенностям наших условий.

В “Гибели империи” анализ причин ускоренного краха советского режима сопровождается и анализом истории развития многих стран, попавших в орбиту “ресурсного проклятия”, – от Испании, наводненной в XVI–XVII вв. золотом и серебром после открытия Америки, до “голландской болезни”. Для того чтобы понять особенности регулирования нефтяного рынка, исследуется динамика сопоставимых мировых цен на нефть за более чем вековой период. А в “Смутах и институтах” подробное рассмотрение деинституционализации, постигшей нас после распада СССР, также отталкивается от истории смут в аграрных обществах – от революций в Европе, прежде всего Французской революции до, особенно, революции в России 1917 г.

Интересно само содержание анализа, когда история становится не просто фоном, а обоснованием логики развития на очень богатом материале. Но если ставится вопрос о необходимости цивилизационного прорыва, становится понятной потребность в исключительно масштабном цивилизационном аспекте исследования, анализа исторических эпох, который закладывается в основу наиболее крупных работ Гайдара. Это видно уже на примере “Государства и эволюции”. Но там, как отмечалось, рассмотрение строится прежде всего под углом зрения опасностей, с которыми связано влияние предшествующего цивилизационного развития России на нашу сегодняшнюю действительность. Если же взять “Долгое время”, которое выделяется и на фоне других неординарных работ не только объемом (более 53 печатных листов), а в первую очередь масштабностью исследования, то там основной аспект другой: почему, в каких условиях в мировой истории удавалось достигать прорывов в развитии? Именно поэтому книга начинается с особенностей современного экономического роста, который “вырвал” многие страны из средневековья. А далее разворачивается анализ фактически всей экономической истории планеты, ее различных стран и континентов, основных эпох, включая аграрные общества, развитие капитализма, последствия современного экономического роста для разных стран, особенности исторического пути и недавнего прошлого России, ключевые проблемы постиндустриального мира.

Масштабы фундамента, на котором Гайдар строит выводы, ориентированные на стратегию будущего, поразительны. Если нас интересуют прежде всего современные и стратегические проблемы, то почему вдруг речь идет о произошедшей в глубине

веков неолитической революции, которая привела к оседлому образу жизни? Потому что для своего времени она стала толчком общественного переворота не меньшего, чем переход к современному экономическому росту в Европе в недалекие века. Затем следует анализ застоя аграрных обществ на целые тысячелетия. И детально раскрывается экономическая логика этого застоя. Но и там появляется прорыв в виде античной культуры, начиная с Греции, основанной на греческих полисах. Анализируются и другие примеры существенного выделения из общего фона, включая определенный исторический отрезок в Китае. Хотя опять-таки в силу логики времени этому прогрессу там не удалось закрепиться, и он был погублен кочевниками.

Далее ставятся вопросы: каким образом наследство греческих полисов сказывалось на ганзейских городах, которые тоже представляли собой определенный прорыв для своего времени? Как конкуренция между небольшими странами Европы, в отличие от азиатского пресса, способствовала развитию инноваций того времени и формированию предпосылок для современного экономического роста? И так далее. Характерен пример с Х. Колумбом: не удалось договориться с португальской монархией, и он договорился с испанской.

Это только отдельные, вырванные из контекста, примеры подхода к анализу цивилизационных прорывов. В книге содержится богатейший материал, позволяющий обосновывать фундаментальные научные положения, такие как нелинейность исторического, в том числе экономического, развития, не одноплоскостность, а многомерность исторического процесса, не детерминированность, а вероятностный его характер, связанный со значительной ролью фактора неопределенности. Но вся эта огромная историческая панорама подчинена, как отмечалось, важнейшим проблемам развития России. Здесь важно выделить два основных аспекта: во-первых, особенности траектории российской истории и факторы, ее обусловившие; во-вторых, основные обстоятельства, определяющие содержание современной экономической стратегии нашей страны. И тщательное, на огромном историческом материале, прослеживание логики формирования новых эпох и логики явлений прогресса в рамках самих эпох становилось основной линией вывода на актуальные для нашего времени проблемы, на анализ необходимости реформ и стратегических преобразований, требуемых для ответа на современные вызовы. Богатейший материал разных стран позволял показать, что эти вызовы относятся не только к России, но и ко всему развитому миру.

Среди вызовов и условий развития нашей страны в перспективе особое внимание уделено таким ключевым проблемам, как:

- демографическая ситуация, неизбежность массового привлечения мигрантов и пути создания для них достаточно комфортных условий;

- необходимость рационального ограничения роста государственных расходов, не допуская тормозящей налоговой нагрузки на экономику и обеспечивая благоприятные макроэкономические условия для предпринимательского климата. Последствия недостаточно жесткого подхода к расходам и принятия высоких социальных гарантий и обязательств в постиндустриальных странах ведут к нарастанию кризиса систем социальной защиты, особенно пенсионных систем, который будет только усиливаться. Здесь как раз Россия имеет определенные преимущества, поскольку ее социальные обязательства еще не столь высоки и нет необходимости их снижать, обостряя социальные конфликты;

- повышение роли человеческого фактора в экономическом развитии и связанная с этим эволюция систем образования и здравоохранения;

- трансформация системы комплектования вооруженных сил и переход к контрактной армии;

- влияние политики на экономику, связь экономического развития с характером политических институтов, в том числе с особенностями “закрытых” или “управляемых” демократий, где формально присутствуют все демократические институты, но итоги выборов фактически предопределены, что рождает опасности, с которыми нам, к сожалению, приходится иметь дело.

Каждая из названных позиций опять-таки рассматривается на массиве опыта многих стран. В итоге обосновываются важнейшие направления экономической политики и содержание наиболее существенных реформ, от которых зависит успешное будущее России, включая реформы миграционной политики, пенсионной системы, образования, здравоохранения, вооруженных сил.

В “Долгом времени” имеется и определенный пробел: не рассмотрен прорыв к постиндустриальному обществу, необходимость которого как раз и стоит перед нами. Причина понятна. Во введении Гайдар пишет о подготовке специального тома, посвященного этим проблемам, включая глобализацию, место России в мире, процессы изменения мировой финансовой системы, открытие глобального рынка капитала, изменение роли торговой и промышленной политики и т.п. Увы, не успел...

Еще одна характерная для многих гайдаровских работ черта – анализ не только исторических процессов, но и ключевых особенностей конкретных ситуаций, возникших на разных этапах и предопределявших последствия тех или иных решений. Причем делается это на огромном фактологическом и документальном материале. Естественно, что автор неоднократно возвращается к ситуации, полученной его правительством в наследство и определившей спасительную, в конечном счете, необходимость радикальных мер, которые оно вынуждено было принимать. Иногда даже от его сторонников приходится слышать: мол, это он оправдывается. Такая реакция естественна для современников. Но известно, что он знал, на что, почему и ради чего шел и как эти шаги будут восприняты значительной частью населения. Поэтому, на мой взгляд, дело не в оправданиях, а опять-таки в анализе и объяснении, причем в анализе такого уровня, который вряд ли можно найти в других источниках. А раскрыть глаза, в том числе будущим поколениям, не обремененным виной за потери населением сбережений (две трети которой лежит на совести последнего советского правительства), нынешними идеологическими шорами, неудовлетворенными амбициями и прочим грузом современников, – дело более чем достойное.

Следующая особенность всего научного творчества Гайдара – оперирование колоссальнейшим статистическим материалом при большом внимании к его качеству. Он тщательно структурирован и подобран под анализ соответствующих проблем. Поражает фантастический объем привлекаемых источников, разнообразие теорий и специалистов, на которые Гайдар опирается при обосновании очень широкого круга проблем. Я просто для интереса подсчитал число ссылок в “Долгом времени”. Порядка полутора тысяч. Причем часто в одной из них указывается целая серия работ.

Ну и еще особенность, которую никак нельзя обойти, – талант, дающий и более глубокое видение многих проблем. Никому, к примеру, не пришло в голову увязать и проследить связь, которую он раскрывает в “Гибели империи”, между крахом страны под влиянием обрушения мировых цен на нефть и политикой коллективизации, которая проводилась за 60 лет до того. А он эту связь четко прослеживает и обосновывает, показывая, сколь принципиальную роль могут играть принимаемые сегодня решения для стратегической перспективы, в том числе с роковыми разрушительными последствиями. Как велика ответственность таких решений. Важный вывод этой работы – раскрытая на богатом историческом материале опасность продолжения ориентации страны на нефтяной и в целом сырьевой экспорт, зависимость от которого может рождать критическую неустойчивость в будущем.

В целом же очевидно, что в нашей экономической литературе нет аналогов такого подхода, нет исследований, которые могли бы по своему масштабу и уровню сравниться с научным наследием Егора Тимуровича. Это новое направление в науке, которое дает фундаментальное, базирующееся на обобщении колоссального исторического, фактологического, статистического материала, обоснование проблем выработки экономической политики. Казалось бы, при такой разработанности и доказательности научных выводов остается только их использовать. Как говорится в Священном Писании, имеющий уши, да слышит. Ряд его предложений и разработок находили применение: налоговая реформа, стабилизационный фонд, некоторое время удавалось

проводить успешную финансовую политику и т. д. Но в отношении многих принципиальных проблем все-таки с “ушами” и со способностью слышать у нас, к сожалению (как, похоже, и в те давние времена), дело обстоит неблагоприятно.

Это “льет воду на мельницу” того представления, о котором говорил С. Васильев: наследие аграрного общества и азиатского способа производства, порождающее номенклатурно-бюрократическое государство, будет у нас побеждать. Вероятность такого развития событий достаточно высока. Но в то же время и на нашем веку было немало поворотов, в том числе в лучшую сторону, которые трудно уместить в наиболее вероятные траектории. Поэтому всегда должна быть готовность к проведению политики, способной реально решать существующие и возникающие проблемы с меньшими издержками для общества. Фундаментальная основа для этого и заложена трудами Гайдара.

И последнее. Сергей Александрович говорил, что многие труды Егора Тимуровича дают основание для дальнейших исследований. Действительно, в этом огромном массиве работ, раскрывающих заложенное им научное направление, содержится основа серьезной научной школы. И вопрос в том, останется ли это наследие просто результатом таланта Гайдара или удастся реально превратить его в научную школу, способную к саморазвитию. А это проблема нетривиальная, потому что такая работа требует слаженных, коллективных усилий и воспитания последователей. Тем более что вряд ли можно разложить то, что он сделал, под стандартный каталог нынешних научных направлений, научных дисциплин и т.д. Это специальный вопрос, требующий и обдумывания, и усилий по реализации, в том числе в преподавании. Ни в коем случае нельзя превращать его разработки в догму, наоборот, надо стремиться использовать их, чтобы будить мысль и продолжать это принципиальное направление исследований, которое нам досталось в наследство.

Дж. Одлинг-Сми: Гайдара я знал с самого начала реформ, с 1991 г. Конечно, мы в МВФ были очень обеспокоены и заинтересованы в возможностях помощи России в период перехода к рынку, и у нас были тесные связи с российским правительством еще до того, как Россия официально присоединилась к МВФ в июне 1992 г. Впервые мы с Гайдаром встретились 29 октября 1991 г., до того как он был назначен на государственный пост. И уже тогда он изложил основные элементы реформы, которые были объявлены двумя днями позже президентом Б. Ельциным. Он также сказал, что ожидает тесного сотрудничества с МВФ правительства, которое будет вскоре создано. Двумя днями позже я опять встретился с Егором Тимуровичем. Он вновь изложил основные принципы правительственной политики и сказал, что надеется на поддержку со стороны МВФ. Я сделал несколько предложений по совершенствованию этой программы. Но скажу абсолютно честно: я и мои коллеги были глубоко впечатлены тем пониманием ситуации, которое демонстрировали Гайдар и его коллеги, и их уверенностью в том, что им при Ельцине удастся реализовать такого рода реформы.

В последующие 12 месяцев было много встреч. Одна из них, которая мне особенно запомнилась, состоялась в декабре 1991 г. у президента Ельцина – на нее были приглашены иностранные советники, работавшие с Гайдаром. Ельцин вел основную часть обсуждения и проявил большой интерес к экономической реформе. Он прекрасно понимал грандиозность и масштабность того, что планировалось. Это стало ясно из его замечания, что армия и органы безопасности сохраняют правительству преданность. Он заверил нас в этом. Он задавал очень разумные вопросы и сказал, что для экономики политические вопросы важны: как именно поднимутся цены, что произойдет с магазинами, какие экономические проблемы возникнут?

Наступило долгое молчание, когда он задал основной вопрос: “Я знаю, то, что мы сделаем, приведет к падению жизненного уровня. Сколько времени пройдет, прежде чем восстановится благосостояние населения?”. Молчание объяснялось нашим незнанием ответа, хотя уже существовал некоторый опыт Польши и Восточной Европы. Большинство из нас, видимо, думали, что пройдет несколько лет, прежде чем жизненные стандарты повысятся. Тишину нарушил Гайдар, сказавший, что потребуются, как

минимум, шесть месяцев, а скорее – год. Ельцина это несколько успокоило, однако не было уверенности, что он полностью поверил Гайдару. Конечно, его прогноз оказался неправильным. Жизненные стандарты, уровень жизни падали много лет. Но, может быть, получилось бы по-другому, если бы его предложения реализовывались, а не были полностью нейтрализованы оппозицией в Думе и другими противниками реформ.

Во время проведения реформ Гайдар произвел на нас сильное впечатление. И тут я не могу не повторить то, что сказали господа Васильев и Стародубровский. У него действительно был очень широкий взгляд на российские экономические проблемы, базировавшийся на понимании недостатков не только советской экономики, но и экономик других стран, и тех проблем, с которыми Советский Союз уже столкнулся при попытке реформировать хозяйственный механизм. Он также понимал рыночную экономику, хотя прямых контактов с ней у него было очень мало. Все эти знания он свел воедино и создал единую стратегию реформ. Это и сделало его интеллектуальным лидером экономических реформ в России. Он был уверен, что Россия должна провести денежную реформу и финансовую стабилизацию, чтобы рост цен в 1992 г. не перешел в хроническую инфляцию. Я повторяю то, что сказал Стародубровский по поводу важности, которую Гайдар придавал налоговой и финансовой стабильности.

Мы в МВФ не сомневались, что он хотел бы проводить ту политику, которую мы бы рекомендовали. К сожалению, политическая реальность не дала ему реализовать эти идеи. Например, в начале 1992 г. мы призывали правительство поднять внутренние цены на нефть для того, чтобы повысить доходы правительства и подать правильные сигналы по распределению ресурсов. Гайдар объяснил нам, что политически это невозможно. Интересно, что в дальнейшем, уже в 1990-е гг., он сказал, что это было одной из его ошибок – откладывать повышение цен на энергоресурсы. Вообще в 1992 г. многие реформы были отложены в результате уступок политической оппозиции.

Нас поражало, что он всегда очень четко все излагал, и письменно, и устно. Видимо, этому помогал журналистский опыт. Но основное – четкость его мышления, и по-английски он мог выражаться столь же логично и четко, как и по-русски. Он был очень храбрым человеком. Он начал эти реформы в 1992 г., когда результаты и реакция населения были абсолютно не ясны. Он продолжал настаивать на реформах и тогда, когда оппозиция обвиняла его во всех трудностях. На самом деле, внутренне он был подготовлен к этой ситуации. Он говорил, что не рассчитывает на жизнь своего правительства больше шести месяцев. Он также проявил и личную смелость, когда присоединился к Ельцину в 1993 г., в ситуации реальной угрозы собственной жизни.

Конечно, прежде всего, говоря о роли Гайдара, надо обсуждать его исторические достижения по выводу России на путь экономических реформ. Другие об этом скажут больше, чем я, но я прекрасно понимаю важность этой темы.

М. Дамбровски: Я хочу сказать несколько слов о научной стороне наследия Егора Тимуровича. Во-первых, я подчеркиваю, что, конечно, он принадлежал к достаточно большому числу людей своего поколения, которым пришлось реформировать экономику своих стран. Так было в России, так было в Польше, в Венгрии, в Словакии, в Сербии, в Румынии, в Болгарии и во многих странах. При этом он был одним из очень немногих, вернувшихся потом в науку (и вернувшихся по-настоящему). Я думаю, что достаточно хорошо знаком с его научным наследием. Самые серьезные, значимые работы были написаны уже после того, как он вернулся из правительства в науку. Прежде всего это “Долгое время”, “Гибель империи”.

Если говорить о том, что выгодно отличало его работы по международной тематике, я бы выделил сравнительный исторический анализ, характерный для самых главных его трудов. Это исследования по экономической истории (не только истории России). Конечно, я имею в виду и его работы по экономическому росту, и “Долгое время”, и “Смуты и институты”. Даже если в них больше внимания уделяется российским проблемам и условиям, там всегда присутствует сравнительный исторический, глобальный анализ. По-моему, всем нам хорошо было бы подумать вот о чем. Часть

его работ публиковалась на английском языке в западных издательствах и западных журналах, но далеко не все. Будет очень жаль, если его наследие останется лишь в зоне русскоговорящих специалистов. Его труды надо сделать доступными широкому международному научному сообществу.

В.М. Кудров: Я как компаративист тоже хотел бы обратить внимание на то, как много у Гайдара примеров сравнительного анализа – по разным странам, включая, конечно, Россию. Гайдар был человеком огромного интеллекта. Нужно сказать, что у нас были разные премьеры. Это и В. Молотов, и Н. Хрущев, и Н. Рыжков, и другие, но, если сравнить Гайдара с его предшественниками на этом посту, разница в пользу Гайдара совершенно однозначна. Другое сравнение Гайдара я хотел бы провести с Л. Эрхардом. Ведь идея выхода из тупиковой модели у Эрхарда и у Гайдара была одна и та же. Но вы посмотрите, как поддержал Эрхарда немецкий народ. И, несмотря на шоковую терапию (этот термин пошел из того немецкого времени, а не от Л. Бальцеровича в Польше), Германия твердо встала на путь демократии и развития зрелой рыночной экономики. В России этого не произошло, и результат оказался иным. Но дело не только в том, что социальный вектор у Гайдара оказался более слабым, чем у Эрхарда; дело в другом. Главная причина – та почва, на которую легла практика реформ Гайдара, наша очень непростая почва. И я глубоко убежден, что Егор Тимурович так рано ушел из жизни прежде всего из-за чувства неудовлетворенности, оттого что значительная, если не большая, часть нашего общества не воспринимает его идеи, его, как говорится, системную политику.

Но системный подход Гайдара сильно контрастирует с тем, что имеет место сейчас. А сейчас, на мой взгляд, нет общего системного подхода, господствует какая-то распыленность усилий, национальные проекты по секторам, по фрагментам. А где стратегия? Если не будет системного стратегического подхода, нам не жить. Поэтому я глубоко убежден: нам нужно заняться еще в большей степени и более эффективно воспитанием и образованием народа.

С.Г. Синельников-Мурылев: Когда мы формировали планы реформ, в России был крайний дефицит экономической науки, ее практически не было. Имелись отдельные люди, но не было института, в котором могли работать целно, работать вместе, работать как коллективы грамотные люди, способные давать власти какие-то советы или исследовать то, что делает власть. И когда мы ушли из правительства, то Егор вернулся в институт.

В декабре 2010 г. нашему Институту экономики переходного периода (ИЭПП), основателем и бессменным директором которого был Гайдар, исполняется 20 лет. За это время институт вырос в четыре раза – сейчас в нем работают около 200 сотрудников. Причем коллектив не постарел. В отличие от многих других научных организаций, он молодеет. Основные направления научных исследований ИЭПП – макроэкономика и финансы, реальный сектор, собственность и корпоративное управление, политическая экономия и региональное развитие, аграрная политика, правовые вопросы.

Все эти годы ИЭПП был достаточно централизованной организацией, с точки зрения управления, – его текущей деятельностью руководил совет директоров. Егор Тимурович как директор института брал на себя, в основном, решение стратегических вопросов, по которым не удавалось прийти к консенсусу. С его уходом было принято решение должность директора упразднить, а функции директора распределить между советом директоров, ученым советом и попечительским советом.

Высшим органом управления ИЭПП остается совет директоров. В него входят В. Мау (главный научный сотрудник ИЭПП, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ), ваш покорный слуга (научный руководитель ИЭПП, ректор Всероссийской академии внешней торговли), С. Приходько (исполнительный директор ИЭПП), А. Улюкаев (первый заместитель председателя Банка России) и А. Радыгин (руководитель научного направления “Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление” ИЭПП). Высшим органом управления научной

деятельностью института по-прежнему является ученый совет. Кроме того, сформирован попечительский совет, в который согласились войти А. Кудрин, А. Чубайс и Г. Греф. Совет будет реально действующим и станет собираться не реже раза в квартал. Его члены обещают принимать участие в решении стратегических вопросов развития института, в том числе помогать нам в формировании эндаумента, который в настоящее время уже функционирует и будет способствовать обеспечению финансовой стабильности института. Также принято решение о переименовании нашего института – мы вернули название, которое дал ему Гайдар в 1990 г., – Институт экономической политики, и он станет носить его имя. Будем делать все от нас зависящее, чтобы сохранить коллектив и увеличивать масштабы нашей научной деятельности.

Без Гайдара в отечественной экономической науке не было бы сделано многого. Не было бы не только нашего института, наверное, не было бы и Высшей школы экономики, которой он занимался и будучи в правительстве, и после. Я. Кузьминов помнит, как мы носили по кабинетам Постановления о создании ВШЭ, и о трудных на первых этапах грантах, без которых ВШЭ тоже вряд ли бы выжила.

Нельзя не сказать и о вкладе Гайдара в создание российской экономической науки как таковой. Вклад этот огромен и обусловлен в основном качествами его личности, тем, что он был, на мой взгляд (не хочу никого обидеть), экономистом на голову выше большинства российских экономистов, которых мы знаем и уважаем. При этом он никогда не демонстрировал свое превосходство и со всеми нами работал так, что мы после совещания выходили с ощущением, что это мы придумали новые ходы, идеи... А на самом деле это он вкладывал в нас массу новых идей. Его ум мог легко генерировать новые идеи и он также легко делился ими. Именно такой человек мог создать большой научный коллектив. Коллектив, в котором его авторитет основывался не на том, что он директор, а только на том, что он просто самый умный из нас. Человек, с которым можно было всегда посоветоваться по любому вопросу, и даже если он говорил, что в каком-то вопросе ничего не понимает, то все равно его совет был содержательным.

Г.Э. Бурбулис: Так случилось, что я лично познакомился с Егором Тимуровичем 19 августа 1991 г. Эта встреча именно тогда для меня, для всех нас, для страны, для Отечества, для истории даже не символична, она была жизненно предопределена. Для меня очевидны все правильные по-человечески, исторически и научно сравнения Гайдара с великими реформаторами отечественной истории, которые более всего на слуху, – С. Витте, М. Сперанский, П. Столыпин. Но очевидно, что сегодня, в новой истории России есть собственное имя – Егора Тимуровича Гайдара.

У Егора была удивительная способность, внутренне, давно для себя усвоив свою миссию, никак ее внешне не демонстрировать. Более того, он обладал тем мужеством, той ответственностью, которые, на мой взгляд, базировались на его главном, может быть, призвании. Это был человек самоотверженной, самозабвенной, познавательной деятельности. Его страстью было познание. Его возлюбленными были истина и правда. Но среди нас много выдающихся людей, способных открывать тайны вселенной, иногда угадывать судьбы целых народов и человечества, но очень мало тех, кто эту способность трансформируют в потребность действовать, потребность доносить эту истинную правду любыми возможными способами и средствами до того, ради чего ты на белый свет появился.

Говорят об ответственности Гайдара. Давайте подумаем, в чем суть этой ответственности? Откуда берется у каждого из нас иногда такая повышенная ответственность за собственную жизнь и за события, которые мы переживаем? Я убежден, и опыт жизни Гайдара меня в этом еще и еще раз убеждает, что ответственность – это прежде всего напряженная мыслительная деятельность человека в поиске ответа на вопросы, которые его волнуют, осознание того, зачем живешь, как живешь, где живешь. И только после того, когда ты все продумал и когда в тебе уже не остается ничего неопределенного, ты готов отвечать за свои идеи, за свои поступки, за свои действия. Поэтому ответственность – не храбрость характера, это не отчаянность революционеров-реформаторов. Это прежде всего мужество домыслить ситуацию жиз-

ни до того беспощадного вывода, отвернуться от которого нельзя. Егор этим мужеством обладал.

И общаясь с ним, я понял, что смысл человеческого мужества, его основа, его корневая система, его фундамент заключается в милосердии, сострадании, сочувствии. Вспомните манеру, с какой Егор Тимурович общался. Вспомните ту некоторую застенчивость его облика и некоторую неловкость, когда ему приходилось отстаивать тезисы, которые человек по разным причинам не понимал. Мужественным мы можем быть только тогда, когда есть душевная, духовная настроенность на сострадание, на сочувствие, на милосердие. И мы не могли тогда отложить ни на неделю, ни на месяц эти решения, потому что они не отвечали природе милосердного отношения к жизни.

Меня всегда удивляло в Гайдаре спокойное отношение к проблеме власти как реальности. У него не было даже намек на какое-то нервно-бунтарское отношение к режиму. Когда мы с ним после августа 1991 г. первый раз разговаривали, он мне долго рассказывал о своем опыте работы в разных комиссиях, и я понял: он хорошо понимает, что такое государство. Исторически он понимал, что государство – выдающееся открытие человечества, созданное, чтобы сохранить себя. Но со временем государство превращается в нечто репрессивное, тоталитарное, коррумпированное, в чиновничий произвол. И эту реальность он тоже понимал и осознавал все сложности пути от империи к свободе, к той свободе, которую своей жизнью Егор Тимурович воплощал, олицетворял. К той свободе, в которой непременно будет жить наша страна и той свободе, которую мы, действуя по принципам Гайдара, еще должны обрести.

С.М. Гурьев: Мало кто знает, что Егор Тимурович сыграл огромную роль не только в развитии Высшей школы экономики и в становлении Института экономики переходного периода, но и в развитии Российской экономической школы (РЭШ). Он был членом Попечительского совета РЭШ с самого начала ее основания. И я очень хорошо помню, как девять лет назад на первом заседании этого совета Егор Тимурович выступил первым. И с тех пор история РЭШ начала развиваться совершенно в другую сторону. Она стала собственно российской экономической школой и начала жить в первую очередь для российского общества, для российского государства, для российского бизнеса, для российских граждан. И для меня лично это было, как я сейчас понимаю, историческим событием. Потому что именно тогда РЭШ начала превращаться в тот институт, которым она является сейчас, где, собственно, и работают многие российские экономисты, которые решили, что именно в такой школе им лучше работать, чем жить в Америке или в Европе. И за это я, конечно, бесконечно благодарен Егору Тимуровичу.

Но я хотел бы сказать не об этом. Я хотел бы сказать о том, как мне, человеку лично не знакомому и не работавшему с Егором Тимуровичем в 1990-е гг., видится его вклад в развитие нашей страны. И с точки зрения исследователя, и с точки зрения гражданина.

В 1990-е гг. казалось, что мы знаем только Советский Союз и то, что называют лихими 1990-ми. Сейчас мы знаем еще и 2000-е. Наверное те, кто сидят в этом зале, согласятся со мной, что многое из того хорошего, что мы видели в ранние нулевые и в поздние нулевые, во многом – заслуга реформаторов и их, я не побоюсь этого слова, вождя, которого сегодня с нами нет, – Гайдара. И более того, когда мы говорим о том, как трудно было работать в правительстве в начале реформ, я не знаю, меня там не было, но я вижу, как работает правительство сегодня. Сегодня у правительства есть и деньги, и власть, и контроль. Но многие вещи, которые раньше правительство Гайдара делало в двухдневный – трехдневный – недельный срок, к сожалению, растягиваются сегодня на многие годы, а иногда и не реализуются вовсе.

Гайдар дает нам и пример и надежду. Никому из нас не хочется слышать плохие слова о себе, никому не хочется узнавать плохие новости. Гайдар показывает пример человека, который, чтобы ни говорили о нем и о том, что он делал, продолжал доказывать и делать то, во что он верит. И он сочетал в себе уникальный сплав идеалиста

и прагматика. Он знал: то, что он делает, нужно для блага страны и мира, для его сограждан. Но в то же время не собирается делать то, во что не верит, не считает правильным, даже если с прагматической точки зрения это будет всем выгодно и хорошо сегодня. Он, конечно, не собирался идти на поводу у сиюминутных выгод. В этом и есть моя надежда.

На самом деле сегодня мы видим вокруг много лжи. Многие из нас считают, что страна движется не в том направлении. И здесь как раз пример Гайдара оставляет надежду для всех нас. Нам не хочется думать о *долгом времени*. Часто говорят, что осталось еще каких-то 30 или 50 лет, и Россия опять станет нормальной страной. Но я вижу много молодых людей, для каждого из них лишь 10 лет будут годами, когда им будет от 20 до 30 лет. И еще 10 лет, когда им будет от 30 до 40 лет. Они не собираются прожить свои лучшие годы в ожидании нормальной жизни. И пример Гайдара показывает нам, что убежденные, серьезные, прагматичные люди могут изменить ситуацию в одночасье, могут действительно повернуть страну с тупикового пути в сторону нормальной жизни. Я надеюсь, что мы с вами увидим это и увидим достаточно скоро.

Ф.В. Шелов-Коведяев: Мне хотелось бы дополнить те воспоминания, которые сегодня здесь прозвучали, и соображения, которые были высказаны, неким общим впечатлением, оставшимся у меня от Гайдара. С первого момента, когда я с Егором увиделся, а это было на известной даче в Архангельском, где в 1991 г. готовились предложения для Ельцина, я отметил у него совершенно новую культуру понимания, культуру поведения и, как потом выяснилось, совершенно новую культуру руководства и управления. Он одним только своим присутствием в том, что Бурбулис назвал политическим пространством, задавал совершенно другую рамку, как камертон, задавал некий иной тон всему. В последнее время мы стали говорить, что культура имеет значение, что необходимо как-то серьезно работать с культурой. Мне думается, что надо предпринять очень простое действие, доступное нам всем, чтобы начать изменять культуру в том направлении, в котором ее менял Егор. И одним из шагов в этом направлении должны стать шаги по увековечиванию памяти этого замечательного, крупнейшего национального лидера. Не просто государственного деятеля, а национального лидера.

Е.М. Альбац: Я думаю, что в Высшей школе экономики все-таки надо говорить о работах Гайдара. За те годы, когда он не был в правительстве, он создал два совершенно фантастических труда – “Долгое время” и “Гибель империи”. Это книги, которые абсолютно связаны друг с другом. Мы довольно хорошо понимали, как был устроен Советский Союз: уже с 1980-х гг. вышло довольно много работ. То есть мы более или менее представляли, как функционирует Советский Союз, но не понимали, почему развалилась колоссальная империя, существовавшая 70 лет вопреки всем законам экономики, почему был создан такой монолит экономики, который казался монолитом? Почему Комитет государственной безопасности СССР – наиболее мощный институт советской власти – отдал власть в 1991 г.? Это было совершенно непонятно, – вплоть до появления книг Гайдара. Он не просто построил модель, а пошагово показал, что произошло, как еще во времена замечательного “эффективного менеджера” был заложен конец и распад империи. Как индустриализация, построенная на рабском труде, на рабовладельческом строе, закладывала коллапс империи.

Гайдар не просто создал модель. В литературе о посткоммунистической трансформации нет ничего сопоставимого с этими двумя книгами. Он показал, как это произошло. Потому что когда вы читаете, понятно, чем может закончиться нынешний режим, который сидит на наркотической игле нефти и газа. Но самое важное, что у нас теперь есть представление, модель, понимание, как заканчиваются такого рода империи. И вот это мне кажется, особенно важно.

И.Е. Ясина: Я все время вспоминаю одну фразу, которую мне сказал Егор Тимурович года три назад. Мне повезло, я последние годы с ним очень близко общалась. Если вы представляете, что значило быть директором Фонда “Открытая Россия” в

2006 г., то вы понимаете, что значило для меня, когда в день, когда у меня арестовали счета фонда, а М. Ходорковский уже три года сидел в тюрьме, позвонил Егор Тимурович и сказал: “Ира, по-моему, тебе надо куда-нибудь на работу переходить. Иди ко мне в институт”. С тех пор я сотрудник Института экономики переходного периода. Есть фраза, которой он меня научил и которую я бесконечно часто повторяю: “Мы – спина к спине – у мачты против тысячи вдвоем”. Вот так он жил. Он очень ценил нас, его соратников, его помощников, да и просто тех людей, которые к нему не просто хорошо относились, а понимали, какую роль он сыграл в судьбе нашей страны, и не стеснялись ему об этом говорить. Ведь он так нуждался в этой поддержке. И то, что он говорил: “Мы – спина к спине – у мачты против тысячи вдвоем”, заставляет нас совершенно по-другому смотреть на наше будущее.

А вот то, о чем говорил Геннадий Эдуардович Бурбулис, мне необыкновенно близко. И я благодарна ему за эти слова, потому что мы должны, если угодно, сплотиться. Слово, правда, звучит как-то глупо, но я не знаю другого. Для меня эта смерть – момент истины. Мы должны перестать бояться, перестать прощать, понимаете?

Е.Г. Ясин: Я думаю, это не последний разговор о Егоре Тимуровиче. Темы, которые его волновали, заслуживают того, чтобы все время быть предметом обсуждения. Еще раз хочу сказать, что считаю самым главным его творением “Долгое время”. Всем рекомендую прочитать эту книгу, потому что она способствует пониманию масштаба эпохи, масштаба явлений.

Гайдар – явление не только русское: это человек мира, достойный самых высоких оценок, не только в масштабах нашей страны. Мне кажется, что мы это обстоятельство тоже должны учесть. В действительности то, что считается практической деятельностью Гайдара, рассматривается только с точки зрения того, что он действовал в условиях кризиса. Он и сам любил это подчеркивать: был кризис, и мы так действовали именно в условиях кризиса, а не по каким-то схемам и так далее, что соответствовало истине. Но в то время мы как раз решали очень интересную институциональную задачу – смену одной группы институтов, комплементарных между собой, на другую группу институтов, которые тоже по идее между собой были комплементарные. Только нужно было время, чтобы проявились результаты. Здесь, по-моему, вообще уникальное явление в мировой истории. Ближе всего к этому реформы Л. Эрхарда. Можно обращаться к этому опыту, чтобы понять, что произошло в России под руководством Гайдара. Но Эрхарду было легче: его заслуга была в том, что он просто “обвел вокруг пальца” американцев, которые требовали от него финансовой стабилизации при карточках, и он либерализовал цены.

У М. Дамбровски в Польше ситуация была несколько проще, хотя они пионеры “лошадиной терапии” (как в Польше называют “шоковую терапию”). Но все-таки либерализацию цен в Польше произвели коммунисты, а реформаторы уже шли дальше. Гайдару же пришлось одновременно делать и то и другое.

© Н. Плискевич, 2010